

Юрий Теплов

ЧУЖИЕ
СРЕДИ
ЧУЖИХ

Юрий Дмитриевич Теплов

Чужие среди чужих

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23461347

ISBN 9785448357848

Аннотация

Повесть «Чужие среди чужих» посвящена нынешним событиям в Сирии и на Украине. Многие эпизоды взяты из реальной жизни. Главные герои повести – российские военнослужащие. Выполняя приказ, они проникают в самое логово террористов. Удастся ли им выбраться из него – читатель узнает, дочитав повесть.

Содержание

Часть первая. Вербовщик	5
У мечети	5
БД-7	26
Охота за невидимкой	60
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Чужие среди чужих

Юрий Дмитриевич Теплов

© Юрий Дмитриевич Теплов, 2018

ISBN 978-5-4483-5784-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Вербовщик

У мечети

1

Ибрагимов Алик стоял в тени топольков и разглядывал верующих, направляющихся в мечеть. Иногда подносил к глазам бинокль, чтобы лучше разглядеть лица. В основном, это были старики и старухи. Они его не интересовали. Объектами его наблюдения были молодые мужчины и женщины. Конечно, надежнее было бы наблюдать в мечети. Но турок запретил. Перестраховщик он и жмот. Выдает ему на жительство всего семьдесят тысяч рублей в месяц. Хотя валютой набит, как банка икрой. Занимается в Москве строительным бизнесом. Мечеть вон поставил. Хвала Аллаху, что квартирой и машиной обеспечил.

А в тот раз Алик нарушил запрет турка и зашел в мечеть. Там он и заметил молодую женщину в черном хиджабе. Она слушала проповедь имама, и слезы катились по ее щекам. После службы и намаза Алик подошел к ней. Общаться с женщинами он умел. Психологи в Катарском медресе многому научили его. Женщину звали Алия. В халяльном ка-

фе она дала ему свой номер телефона. Рассказала, что всего полгода как вышла замуж, а месяц назад мужа сбил машиной насмерть на автобусной остановке сын прокурора. Свидетелей не нашли, зато в крови мужа обнаружили алкоголь, хотя тот совсем не пил...

Алия больше не плакала. Хмурила брови и говорила:

– Детдомовские мы. Отцов и братьев нет. Кто отомстит за его смерть?

– Мы отомстим, – ответил Алик. – Я и ты.

– Как?

– Я убью прокурорского гаденыша. И дальше будем мстить.

– Кому?

– Всем, кто против мусульман.

Никого пристреливать он не собирался.

Турок узнал, что вербовщик нарушил его запрет и появился в мечети. У него и в храме были стукачи. Хозяин сам приехал к нему на съемную квартиру. Он почтительно встал при его появлении, поклонился. Тот, низкорослый и кривоногий, в светлом хлопковом костюме, прошел к столу, уселся в кресло и, ни слова не говоря, стал сверлить его глазами. Он не выдержал его инквизиторского взгляда. Произнес:

– Я завербовал молодую женщину. Готов уйти с ней и с иммигрантом-уголовником из нашего кафе в Игил¹.

Он понимал, что турок не отпустит его. Придав голосу

¹ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ

убедительности, добавил:

– Буду убивать гяуров с оружием в руках.

– Молчи и слушай. Ты нужен здесь, потому что грамотный, прошел специальную подготовку и на физиономию смазливый. К тому же, похож на русского.

– У меня мать русская.

– Знаю, не перебивай. У тебя получается, как говорят русские, пудрить мозги. Вот и пудри. Но в мечеть больше не суйся. Клиентов выбирай на входе и на выходе. О твоей и своей безопасности забочусь. Понял?

– Да, эфенди.

– Тебя нет. Ты тень, призрак. Все языки, которые знаешь, забудь. Разговаривай только на русском. Никаких посланий через Интернет!

– Слушаюсь, Исмаил бек.

– С девкой, которую ты завербовал, можешь встречаться и спать с ней. В халяльное кафе ее не води. По паспорту ты русский, и веди себя, как русский.

Исмаил вышел, не попрощавшись...

Он продолжал стоять под топольками. Уже сентябрь подошел к концу, но было тепло, как в августе. Потому прихожане не спешили облачаться в осеннюю одежду. Внезапно его внимание привлекла парочка. Он вооружился биноклем. Молодая женщина была вызывающе красива. Судя по хиджабу, из богатой семьи. Похоже, русская. А может, полукровка, как и он. Чуть позади нее шагал азиат, этот, ко-

нечно, мусульманин. Возможно, ее телохранитель. Оба явно не местные. Наверняка, приехали на авто. Почему выбрали мечеть на окраине? Не хотят, чтобы их кто-то увидел? Случайно появились здесь или от кого-то прячутся? Но, как вероятные клиенты, интересные. Если, конечно, еще раз появятся...

В мечети началась служба, и Алик сдвинулся вглубь топольков, где стояли скамейки. Сел, откинувшись на спинку. Вспомнил Набережные Челны, отца с матерью...

Мать во всем слушалась отца. Впрочем, он ее не обижал. До пятнадцати лет Алик боготворил отца. Тот был в городе известным бизнесменом. Когда он закончил девять классов, отец поздравил его и позвал в летний дом рядом с бассейном. Там они устроились на открытой веранде. Отец сказал:

– Я доволен твоими успехами в учебе, Алик. Надеюсь, что ты и дальше будешь радовать меня.

– Мне легко даются науки, – ответил он.

– Считай, что детство твое кончилось, и тебе пора вникать в мои дела. Твоя сестра не в счет, женщина. Ты мой единственный наследник. Готов к этому?

– Готов.

– Человек не должен отрывать от своих корней. Ты обязан знать своих предков.

– Слушаю тебя, папа.

– Мой прадед был очень богатым. Его отары и табуны паслись по всему северному Казахстану и в Оренбургской губернии. Было у него шесть дочерей и один сын, мой дед. Дочерей он отдал замуж, а сына отправил учиться в коммерческое училище в Оренбург. Прадед был, хоть и неграмотным, но мудрым человеком. Когда в России началась гражданская война, он во время сориентировался и передал лошадей красной коннице.

– Н у, и зря, – откликнулся он.

– Глупый ты еще, сын. Лучше потерять табун, чем голову. Красные за его подарок поставили прадеда председателем исполкома в Кокчетаве.

– А потом что с ним стало?

– Был на ответственной работе в Алма-Ате, и умер там своей смертью.

– А твой дед куда делся?

– Он сумел продать отары и осел в Оренбурге. Знаешь, что такое НЭП?

– Проходили по истории.

– В годы НЭПа дед хорошо раскрутился. Но, видно, понимал, что политика эта временная. Потому копил золотые царские червонцы, надеялся сбежать за кордон. Не успел. Забрали его чекисты. Так и сгинул в холодных краях.

– Золото чекисты тоже забрали?

– Не нашли. Дед зарыл шкатулку с червонцами в березо-

вой роще на берегу Урала. И показал это место сыну. Еще он заранее выправил запасные паспорта на фамилию Ибрагимовы.

– То есть на нашу фамилию?

– Да. Его сын – твой дед. Он успел скрыться. Добрался до Набережных Челнов. Женился. Родился я. Потом он съездил в Оренбург и откопал червонцы.

– Я помню деда очень смутно.

– Он не жил с нами, когда ты родился.

– Почему?

– Оберегал нас, потому что был не в ладах с законом.

Отец замолчал, будто вспоминал прошлое. Затем продолжил:

– При Брежневе он организовал подпольную джинсовую фабрику. При Горбачеве и Ельцине, когда Россия превратилась в барахолку, твой дед контролировал весь город. Но этого ему было мало, замахнулся на Казань. Там его и убили во время облавы.

– Червонцы пропали?

– Нет. У нас. И доллары тоже. Зайдем в дом, я покажу тебе, где они находятся.

Гостиная в летнем доме предназначалась для узких деловых либо дружеских застолий. Обстановка была сугубо мужской. Бар с напитками. Круглый стол с четырьмя креслами. Декоративный камин с имитацией пламени.

Они подошли к камину. Отец нагнулся, нажал на третью

с краю нижнюю плитку. Сбоку медленно открылась довольно просторная ниша. Отец вытащил из нее небольшой несгораемый сейф. Произнес:

– Код ИЗ11, запомни, – достал из сейфа довольно объемистую черную шкатулку и кожаный дипломат. – Это наш неприкосновенный запас. Жизнь – вещь непредсказуемая.

– Ты тоже не в ладах с законом? – спросил он.

– У меня легальный бизнес. Налоги плачу исправно. Позже введу тебя в курс дела. Но бизнес абсолютно чистым не бывает. Взятки чиновникам даю. Полицию подкармливаю.

– Зачем?

– Чтобы работать не мешали.

Он повернул на шкатулке красный рычажок, крышка со звоном отошла. Сверху лежали камушки, кольца, серьги, еще какие-то ювелирные украшения. Отец сказал:

– Шкатулка еще моему деду принадлежала. Его червонцы внизу. Царские бумажные деньги сожгли. А ювелирка и доллары, что в дипломате, от твоего деда достались. Открыть?

– Не надо.

Отец сложил сокровища в тайник, и они снова вышли на веранду.

– Понимаешь, Алик, – раздумчиво проговорил отец, – приспособиться можно к любой власти. Важно лишь нащупать ее слабые стороны. Для этого надо знать законы. Я жалею, что не закончил в свое время юридический вуз. Держу

в штате двух евреев – юристов, чтобы перепроверяли друг друга.

– Не доверяешь им?

– В бизнесе, сын, никому доверять нельзя. Это азбука, слушай ей, когда фирма перейдет в твои руки. Тебе еще учиться в школе два года. Затем поступишь в Казанский университет на юридический факультет. Там подыщешь себе невесту из хорошей небедной семьи. Познакомишь меня с ее родителями. Дальше видно будет. Как тебе мой план? Чего молчишь?

– Нормальный план, – ответил Алик, а внутри что-то неосознанно противилось этому.

– Тогда все. Пошли обедать. Мама приготовила плов из баранины...

С этого дня он перестал боготворить отца, хотя и почитал его. Царапину в его душе оставило слово «приспособиться». Его прапрадед приспособился, отдал голодранцам целый табун лошадей, а чем закончил? Получил в Алма-Ате какую-то должность и помер! Кто его помнит, где могила?.. Прадед тоже приспособился, и чекисты отправили его помирать на север. Один дед не захотел приспособливаться, но попал в облаву и был застрелен. И снова чекистами. Вот и отец приспособливается. А неприкосновенный запас, на всякий случай, хранит. А надо ли приспособливаться? Лично он не хочет и не будет!..

Школьные занятия шли своим чередом. Вечера он прово-

дил за компьютером. После восьмого класса отец подарил ему самый навороченный ноутбук, и он до глубокой ночи шарился в Интернете.

Однажды в «Контакте» ему попалось видео, на котором солдаты в песочной форме убивают мусульман. Комментарий объяснял, что убийцы – солдаты американской армии, захватившей Ирак, а жертвы – мирные жители. Но воины Аллаха из отрядов Абу Мусаб покаялись отомстить за их смерть.

Алик Ибрагимов тихо возненавидел убийц. Написал свой комментарий: «Желаю воинам Аллаха совершить возмездие!» Каково же было его удивление, когда через день он получил ответ: «Спасибо за поддержку. Напишите о себе. Имам Шамиль». Он написал. Сообщил свой адрес, о том, что учится в десятом классе, а в вуз будет поступать в Казани. И снова получил ответ. Имам одобрял его решение поступить в Казанский университет и прислал распечатку своих проповедей.

Переписка продолжалась вплоть до окончания школы.

2

Весной, незадолго до выпуска, на выходе из школы его остановил представительный рыжеватый татарин лет тридцати с небольшим саквояжем.

– Я от имама Шамиля, – сказал.

– Как вы меня узнали?

– Увидел, когда ты из дома выходил. Меня зовут Амир.

– Меня – Алик.

– Знаю. Может, зайдём в кафе?

– Я не хожу в кафе, там пьют и курят.

– Тогда посидим в скверике.

В сквере было пусто и голо. Лишь бабули с детскими колясками изредка появлялись на аллеях. Амир достал из саквояжа газеты, расстелил на скамейке. Сели.

– Как ты относишься, Алик, к священной войне с неверными?

– Джихад – это возмездие за насилие. В проповедях имама Шамиля говорится, что джихад – кара Аллаха.

– Знаешь ли ты, что в октябре прошлого 2006 года создано Исламское государство²?

– Читал в Интернете.

– Что думаешь о его перспективах?

– Перспективы нет, если его деятельность будет ограничена Ираком. Все соседние страны – мусульманские. Необходимо проникновение туда. Чтобы люди поняли, что это их халифат. Пропаганда должна стать более примитивной. Моджахед – это воин-герой, даже романтик. А для девушек и женщин – идеал будущего мужа.

– Масштабно мыслишь, Алик.

– В политике важно умение управлять толпой. Она под-

² Террористическая организация, запрещенная на территории РФ

властна чувствам, которые умный руководитель может направлять, куда ему надо.

– Имам Шамиль не ошибся в тебе. Ты согласен помогать святому делу возрождения Исламского халифата?

– Согласен.

– Не спеши, подумай. Твоя будущая работа сродни работе разведчика.

– Что я должен делать?

– Потом узнаешь.

– Когда?

– В Казани. Как я понимаю, Алики, ты не нуждаешься в средствах?

– Не нуждаюсь.

Амир открыл свой саквояж, достал конверт.

– Здесь тысяча долларов. Мой подарок тебе в честь окончания школы. Не отказывайся.

Алики и не думал отказываться.

– Благодарю.

– Перед тем, как отбыть в университет, уничтожь дома все свои фотографии. В школе тоже не должно остаться твоих снимков. В Казани я сам найду тебя. Жить будешь в общежитии. В твоём распоряжении будет ещё двухкомнатная квартира.

Амир замолчал, пытливо посмотрел на него.

– Почему не спрашиваешь, для чего квартира?

– Видимо, для конспирации.

– Пожалуй, так и есть. У тебя нет никаких вопросов?
– Нет...

Выпускные экзамены он сдал «отлично». Потихоньку от отца изъясил из альбомов все свои фотоснимки. При фотосъемке выпускного класса сказался больным. На торжественный вечер не пошел. Отправил в университет документы и стал ждать вызова.

В отсутствие отца посетил летний дом. Вскрыл тайник. Шкатулку в сейфе не тронул. Это семейное. Открыл дипломат с долларами. Отсчитал 50 тысяч. Хватит! Остальное тоже семейный НЗ. Семья – святое.

Вызов пришел в начале июля. Накануне отъезда в Казань отец предложил Алику прогуляться по саду.

– Ты почему забрал из альбома все свои фотографии? – спросил он. – Даже семейную?

– Хочу чувствовать себя, как дома, папа. Будто я рядом с вами.

Отец поскреб лысину и, похоже, удовлетворился объяснением.

– Мы поедем в Казань на машине, – сказал он. – Я сниму тебе квартиру и куплю жигули.

– Не надо, папа. Я буду жить в общежитии, как другие иногородние студенты, и ездить на троллейбусе.

– Почему?

– Не желаю выделяться.

– Пожалуй, ты прав, – через паузу проговорил отец. – Но деньги все равно понадобятся. Я положил тебе на карточку четыреста тысяч рублей. Когда закончатся, положу еще. Может, тебе долларов дать?

– Нет, папа. Я собираюсь учиться, а не в казино ходить.

– Ты меня радуешь, сын...

В Казани они остановились в гостиничном люксе. Водитель повез Алика в университет. Это оказалось не просто здание, а целый студенческий комплекс. Юридический факультет они нашли на улице Кремлевской. Алик поднялся в приемную комиссию. Симпатичная татарочка зарегистрировала его, вручила листок с расписанием вступительных экзаменов и выдала направление в общежитие для абитуриентов. Там пожилая толстуха записала его в истрепанную книгу, взяла с него 146 рублей, выдала матрас, постельное белье и сказала:

– Ступай. Комната 311. Там уже один вчера заселился.

«Надо же, – подумал Он, поднимаясь по лестнице на третий этаж, – номер комнаты, как код к отцовым сокровищам».

Комната напоминала пенал с высоким распахнутым окном и четырьмя кроватями. На одной лежал кучерявый парень в верхней одежде, в кроссовках и дымил в потолок.

Увидев нового жильца, он принял сидячее положение и воскликнул:

– О, нашего полку прибыло! Откуда?

– Из Набережных Челнов, – ответил Он и стал застилать кровать у окна.

– Я из Саранска. Зовут Василий. А тебя?

– Алик.

– Шмотки у кастелянши оставил?

– Нет, у знакомых.

– Хочешь выпить, Алик? У меня еще три баллона спирта остались. Один мы с кастеляншей оприходовали.

– Не могу, тороплюсь. Свидание. Послезавтра утром появлюсь.

– Уважительная причина, – бормотнул Вася и снова завалялся на кровать.

По дороге в гостиницу он думал о том, что совсем непросто ему будет в общежитии, особенно, если соседями окажутся такие, как этот абитуриент из Саранска. В комнате даже ноутбук опасно оставлять. Когда еще появится Амир с двухкомнатной квартирой!..

Отец собирался остаться в Казани, пока сын сдает экзамены. Но Алик воспротивился. Он и сам легко справится с таким пустячным делом, как экзамены. А у отца серьезные дела, требующие хозяйского догляда. В общем, уговорил. Отец сказал, что номер оплачен за три дня вперед, наказал, чтобы сын звонил не реже раза в неделю, распрощался и уехал.

Утром Алик отправился на троллейбусе в общежитие. У входа он заметил белые жигули с открытой дверцей. Во-

дитель приветливо помахал ему рукой. Это был Амир.

Квартира, куда они приехали, находилась всего в двух кварталах от университетского городка. Располагалась она на втором этаже пятиэтажного дома. Они зашли в крохотную прихожую, в которой, кроме вешалки и трюмо, ничего не было. В распахнутые двери просматривались жилые комнаты. В той, что напротив входа, стоял стол с ноутбуком. Сбоку диван, у противоположной стены книжный шкаф с литературой.

– Это твой рабочий кабинет, – пояснил Амир.

Он провел Алика по квартире. Показал, где что лежит. В спальне красовался плоский телевизор на вычурной подставке. В шкафу для одежды висел на плечиках женский халатик, на нижней полке стояли розовые шлепанцы с загнутыми носами. На кухне в холодильнике был даже небольшой набор продуктов.

– Теперь побеседуем, – сказал Амир.

Алик предполагал, о чем будет беседа, и не ошибся. Ему предстояло находить сторонников Исламского государства³, сколачивать их в группу и передавать Амиру. Затем будущие воины Аллаха с оператором летят по туристическим визам в Анталию. Алику с оператором встречаться не следует. Закон конспирации.

Он слушал Амира и прикидывал способы вербовки. Главное, конечно, Интернет. У него есть убедительные пропове-

³ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ

ди имама Шамиля. Но и личные контакты в университете не стоит исключать. Наверняка, найдутся студенты, кто захочет хорошо заработать. Со студентками еще проще. Все они мечтают выйти замуж за богатого и красивого героя.

– Будь готов, Алик, – сказал Амир, – в летние каникулы сам вылететь в Катар на двухмесячные курсы.

– Курсы боевой подготовки? – спросил он.

– Частично. В основном, духовной подготовки...

Наставник уехал. Алик перевез из гостиницы вещи. Его ноутбук был намного мощнее, чем тот, что был в квартире.

С экзаменами проблем не возникло, и его перевели на два этажа выше, в общежитие для студентов. Там он узнал, что за небольшую доплату можно поселиться в комнате на два или даже на одного человека. Выбрал себе в соседи тихого и маломощного очкарика Стасика, снабдил его деньгами, и они поселились вместе.

Ноутбук Амира Алик перевез в общежитие. Сказал Стасику:

– Пользуйся, когда мне не нужен.

– Спасибо, – не скрывая радости, ответил тот.

На их этаже, только в другом крыле, находилась общага платного отделения. На нем больше было девчонок. Столовая была на всех одна. Там Алик, неожиданно для себя, увидел за столиком в компании трех девиц Васю из Саранска, провалившего первый же вступительный экзамен. Вася тоже узнал его. Подошел к нему после обеда.

– Заходи ко мне вечером, – сказал. – Я один в комнате. Номер – три пятерки. Отметим день рождения моей телки. У нас на платном почти одни девки, выбирай любую.

Никуда не денешься, контакты необходимы. И выпивать придется научиться. Он купил банку джина с тоником для себя, две банки черной икры и духи «Шанель» для именинницы.

Именинница оказалась пухленькой блондинкой. Подарок приняла, не сумев скрыть радости. Две ее подруги, одна чернявая и долговязая, другая, похожая на серую мышку, завистливо покосились на духи. Вася представил своего друга и именинницу: Антонина. Долговязая назвала себя басом сама: Марго. Серая мышка пискнула: Альбина.

Вася вскрыл банки с икрой.

– Лопайте, девчата! – налил себе, Антонине и Марго водки.

У Альбины тоже стояла банка джина с тоником, так что Алик был не одинок. Его приобщение к спиртному прошло легко. Напиток оказался даже приятным на вкус.

С каждой следующей рюмкой болтовня набирала обороты.

– Мне не хватает частоты отношений, – заявила Марго.

– Ну!? – откликнулся Вася.

– Я женщина слабострастная.

– Верю. У тебя в постели только конь не валялся.

– А замуж никто не зовет...

Первой набралась именинница. Вася уложил ее на диван и скомандовал:

– Все, девочки, праздник кончился. Топайте в свою хату!

Марго и Альбина недовольно поднялись и вышли.

– Говорил Тоньке, чтобы она симпатичных девок пригласила, – сказал Вася. Он был заметно пьян, но держался. – Своих чувырл одноклассниц приволокла.

– Как ты оказался на платном отделении, Вась?

– Отец заставил.

– А кто он у тебя?

– Директор ликероводочного завода. А я учиться не хочу. Мне оно ни к чему. Понимаешь, Алик, я мастер спорта по пулевой стрельбе. Меня в сборную республики включили. А перед соревнованиями исключили.

– За что?

– За дурость. Подрался в ресторане из-за бабы. Там вообще куча – мала была. Одному башку проломили. Не я того чокнутого бутылкой по голове шарахнул. Всех в ментовку забрали. Отец меня из ментовки выкупил. А из сборной турнули.

Вася был первым, кого завербовал Алик. А тот намекнул долговязой Марго, что среди бородатых джигитов она запросто найдет себе мужа. Ради замужества Марго была согласна отправиться, хоть к черту на кулички. Еще пять человек Алик нашел через Интернет.

После нового года Он передал группу Амиру.

Алик помнил, что в летние каникулы ему предстояло лететь в Катар. О своей поездке Алик сообщил отцу, когда сдал экзамены за первый курс.

– Университет посылает меня, как лучшего студента, на двухмесячные курсы в Катар.

– Что ты там будешь изучать? – недовольно спросил отец.

– Международное право арабских стран, его особенности.

– Оно тебе надо?

– Пригодится при заключении контрактов.

Ему было слышно, как отец вздохнул. Затем проговорил:

– Ладно, езжай. Изучай...

За четыре с половиной года Он завербовал семь групп. Амир хвалил его и передавал слова благодарности от имама Шамиля.

На исходе пятого университетского курса Амир явился на квартиру в неурочный час.

– Тебя вычислили по Интернету. В общежитии больше не появляйся. Уезжай.

– Куда?

– В Москву. Вот тебе новый паспорт и адрес турка, у которого в Москве подряды на строительство. Поступишь в его распоряжение. Не медли!

Алик не мыслил себя без Интернета. В тот же день забрал свой ноутбук и сел в поезд. При встрече турок отобрал у него паспорт, полученный от Амира. Через пару дней вручил ему новый паспорт с московской пропиской.

Скучал ли он по дому, по Казани? Пожалуй, нет. Хотя и жалел родителей, особенно отца, оставшегося без наследника. Ничего, приспособится. Дочь ему внуков нарожает.

В Москве он занимался тем же, что и в Казани. Но с вербовкой тут было сложнее. Он больше не мог использовать для этого Интернет. Не хотел погореть еще раз. И на прямые контакты приходилось выходить через бинокль. Два года прошло, как он сбежал из Казани, уже 2015 год на исходе. А что он сделал? Сумел сколотить только три группы, да и те малочисленные. Понятно, что не он один занимается в Москве вербовкой. Кто-то же контактил с Карауловой. Но прокололся. Он не проколется...

3

Служба в мечети подошла к концу. Он покинул скамейку и снова встал в тени топольков. Верующие потянулись по домам. Его интересовала только примеченная парочка. Он вооружился окулярами и стал ждать.

Первой появилась она. К ней тут же пристроился прощелыга художник, которого Исмаил нанял, чтобы тот украсил минбар. Следом за ними шагал пружинистой походкой телохранитель с лицом мумии.

Напрасно этот франт старается, подумал он, не по зубам ему красавица. Хорошо бы, телохранитель ему физиономию начистил...

Исламское государствоТеррористическая организация, запрещенная на территории РФ – совершенно новый тип террористической организации. Обученная армия, отлаженная финансовая система, природные ресурсы и свои средства массовой информации. Армию исламистов-вахабитов пополняют вербовщики. В России основная база для вербовки – жители южных регионов. Однако в сети вербовщиков попадают

и лица славянской национальности. Например, «русский ваххабит» Дмитрий Соколов – гражданский муж смертницы, устроившей взрыв в волгоградском автобусе.

Вербовка нередко начинается в небольших мечетях, которые посещают обиженные судьбой молодые люди. Новичков бесплатно кормят в кафе, рассказывают им о былом величии исламского халифата и подводят к мысли, что именно там человек получит то, что ему не хватает...

По сообщениям средств массовой информации, к декабрю 2016 года в России осуждены семьдесят восемь вербовщиков.

БД-7

1

БД-7 расшифровывалось, как Белая Дача, седьмой участок. Однако к сельскому хозяйству ее сотрудники не имели никакого отношения. О Белой Даче знали лишь руководители самого высокого ранга, и то далеко не все. За её мирным названием скрывалось самое засекреченное подразделение ГРУ.

Время от времени мир потрясали сообщения о странной и загадочной гибели политических деятелей, о несчастных случаях, происходивших с популярными на западе переезжчиками из Страны Советов, о внезапных государственных переворотах в странах третьего мира. Изредка на местах происшествий находили неопознанные трупы. Кто они – установить не было никакой возможности: ни документов, ни других признаков, которые бы говорили о национальности или хотя бы о принадлежности к стране проживания. Так и уходили анонимно в небытие.

В БД-7 все имели псевдонимы. Командовал белодачниками рано поседевший полковник. Псевдоним «Пилот» он заимел не по собственной фантазии. А после того, как вляпался со своими ребятами в крутую заварушку на колумбийской

границе. Тогда они сумели захватить у наркодельцов частный самолет. Машина была незнакомой. Он с трудом поднял ее в воздух, ушел от «стингеров» на бреющем и приземлился на военном аэродроме близ Гаваны, где базировалась советская эскадрилья... С тех пор и стал Пилотом.

Его заместитель полковник Белый псевдоним выбрал сам для маскировки. Тогда он был черноволос и темен лицом. Теперь его голову украшала лобная лысина, а лицо походило на печеный блин.

Отлаженный порядок и сама жизнь затрещали по швам, когда к власти пришел меченый генсек. Такую кличку дал народ Горбачеву. Белодачникам не по нраву пришелся разгул демократии и последовавший за этим хаос в стране. Чтобы как-то вмешаться в ход событий, Пилот привел семерку Исполнителей к защитникам Белого дома. Решил, что присяга требует их присутствия там, где решается судьба государства.

Но быстро понял, что она, судьба государства, мало кого волнует, и что вляпался он с ребятами в разборку властных группировок. Кому поверили? Один – интеллигент-теоретик, другой – генерал, возомнивший себя вершителем судеб. Их семерка не стала ждать развязки.

Пилот, по своему положению, был посвящен в тайну подземных ходов под Москвой. На языке документов они назывались – ПЭС, что означало: подземная эвакуационная система. Она прорезала всю Москву и имела 24 входа и выхо-

да. В державные времена ее обслуживала целая рота доверенных самокатчиков во главе с майором Сиротиным. Он назвал эвакуационную систему карезами по аналогии с подземными ходами в одной из азиатских стран, где выполнял спецзадание и, вопреки всему, выжил. Перестройка вытряхнула самокатчиков из государственной обоймы, растолкала их по разным ведомствам. Майор Сиротин застрелился...

Пилот вывел «дачников» карезами на берег Москвы-реки и предложил собраться на другой день на лесном кордоне. Но явились только трое: он, Акинолос и Белый. Акинолос вскоре схлопотал пулю в теплой Греции, куда сбежал с фото-моделью «Мисс Киев». Его подругу нашли утопленной в ванной.

Своего куратора Пилот видел последний раз незадолго до Форроского спектакля. Это был известный служивым людям маршал. Его портрет красовался до перестройки в каждой ленинской комнате. Маршал сидел в кресле в рубашке без галстука, что само по себе уже было необычным. Китель с большой звездой на погонах небрежно был брошен на диван. Его хозяин, похоже, прихватил насморк, то и дело вытирал большим белым платком покрасневший нос. Был озабочен, хмур. Говорил с паузами, будто ему тяжело было выталкивать слова:

– Все, Пилот. Вас нет, и не было. Ты и твои люди – пенсионеры союзного значения. Затаитесь и ждите... Если дождетесь... И еще, Пилот. Выбил для вас денежное содержание

за год. Получи на всех... За службу спасибо... Свободен!

Через месяц маршал непутево и оттого загадочно покинул этот мир.

Много чего в жизни Пилота и Белого было за четверть века. Они не раз оказывались на волосок от гибели, как это произошло в горах Курдистана. Едва не остались навечно на одном из северных сопредельных островов, куда их занесла нелегкая после выполнения одного деликатного задания.

Пилот и Белый общались и в годы смуты. Безделье – штука угнетающая. Белый стал попивать. Чтобы его притормозить, Пилот составлял ему кампанию.

Надежда забрезжила, когда у государственного руля встал выходец из органов безопасности. Президент-Питерец вернул государству полигон. Пилота для маскировки назначили начальником полигона, Белого – его замом. Их функции в БД-7 остались прежними. Только личный состав обновился. Уровень секретности был вроде бы, как и раньше, но демократию положено блюсти. Рамки деятельности заметно сузились.

Предпоследняя операция привела их на берег таежной реки Васюган. Там они настигли международную преступную группировку, занимавшуюся переправкой афганского героина через Среднюю Азию и Россию в Европу. Заложников освободили, наркотик сожгли, трупы преступников закопали. Баул с валютой экспроприировали в свою пользу.

Почему бы не воспользоваться случаем и не пополнить

НЗ их организации? Пилот не считал зазорным использовать преступные деньги на благие цели. Когда еще государство обеспечит жильем многочисленных сотрудников БД-7? Приобрели дачу для служебного пользования и три скоростных авто. Купили четыре квартиры, в том числе и для Ромео с Джульеттой.

2

Псевдонимы Ромео и Джульетта придумал своим подчиненным полковник Белый. Впрочем, и придумывать не пришлось.

Жила-была в городе Уфе выпускница средней школы Юля Башкирова. Это была отцова фамилия. Мать свою царскую фамилию Романова – не захотела менять.

Юля посещала стрелковую секцию, которой руководил бывший чемпион страны Рамиль Ахсанович Батыров. На юниорских соревнованиях на первенство республики она заняла первое место. Второй стала ее закадычная подружка Валя Пинегина.

Возможно, они и выросли бы в профессиональных спортсменов. Дед Рамиль предрекал им такой поворот судьбы. Но вмешалось провидение. Случайно Юля узнала, что начальник управления внутренних дел генерал Мирзоев тайно встречается с подозрительными кавказцами. Время было тревожное, по телевидению не раз она слышала сообщения

о террористических актах. Потому решила отследить связи генерала, и, если убедится, пристрелить предателя. Не зря же она чемпионка!

Откуда Юле было знать, что Мирзоев находится в разработке, и что его связи с террористами уже известны сотрудникам организации с названием БД-7. Мирзоев являлся посредником в контактах московского генерала Коршунова, снабжавшего террористов оружием. Коршунов был советником министра внутренних дел. Только Мирзоев мог дать свидетельские показания против него.

В Уфу командировали бывшего морского пехотинца капитана Георгия Каретникова. Задача – доставить генерала живым в Москву. Он и обнаружил, что за Мирзоевым следит какая-то соплячка.

Знакомство состоялось. Обстоятельства сложились так, что Георгию необходимо было на время скрыться. Юля нашла ему убежище в деревне Шакша, где проживала ее родная тётя. Это был дом местного богатея, уехавшего с сожительницей проветриться в теплых странах.

Георгий вскрыл замок. В доме, прежде всего, зашторил все окна плотными занавесями. И только потом включил электричество. Когда под потолком вспыхнула люстра, Юля с любопытством огляделась.

Прихожая, где она стояла, была без привычного потолка. Потолком служила куполообразная крыша, расписанная под летнее небо с бе-

лыми кучевыми облаками. Здесь же была и кухня с мойкой и подставками для посуды.

В открытую дверь видна был виден зал с ковром на полу, полированным столом и сервантом. Вдоль двух смежных стен тянулся закругленный длинный диван. Из зала наверх вела витая деревянная лестница. Георгий поднялся на второй этаж. Спустившись, сказал:

– Там спальня и бар. Вот, экспроприировал, – достал из кармана куртки бутылку, – коньяк. У меня в сумке бутерброды с колбасой и сыром. Сейчас поужинаем, и дуй к тетке.

Он сам накрыл в зале стол. Вытащил из серванта хрустальные фужер и рюмку. Выложил на тарелку бутерброды.

– Тебе налить? – спросил.

– Налей, – храбро ответила она, хотя никогда еще не пробовала коньяк.

Словно завсегдатай застолий, Юлия подняла рюмку и потянулась к нему чокнуться. Чокнулись. Он легко опрокинул в рот полфужера коньяка и стал поглощать бутерброды, будто не ел целый день. Она цедила коньяк маленькими глоточками. С каждым глотком чувствовала себя все увереннее и раскрепощеннее.

Когда она выцедила всю рюмку, Георгий поглядел на нее с сочувствием.

– Тебе больше нельзя, малышка.

– Не относись ко мне, как к маленькой, Георгий, – обиженно произнесла она и приврала: – Мне уже восемнадцать.

– Понял, взрослая. Разрешаю звать меня Герой. Всё, собирайся. Я провожу тебя к тётке.

– А потом ты куда?

– Вернусь и спать лягу. Мирзоева Коршунов вызвал в Москву. Завтра я тоже вылетаю.

– Мне, Гера, сейчас нельзя к тетке. От меня коньяком пахнет. Можно, я здесь останусь?

Он обречено вздохнул:

– Пошли наверх.

В спальне стояла широченная тахта. Он нашел в комодке чистое белье, сам застелил постель.

– Раздевайся и ложись, – сказал. – Я тоже сосну минуток сто.

– Где? – непроизвольно спросила она.

– Внизу, – и утопал по лестнице.

Юлька сбросила с себя верхнюю одежду. Осталась в одних трусиках, лифчика, как и всегда, не носила. Потрогала свои красивые груди, глянула на них в трельяжное зеркало и нырнула под махровую простыню. Закрыла глаза, но сон не шел.

Лежала и думала о том, что все бывшие одноклассницы, кроме нее и Вали Пинегиной, давно уже не девушки. Они хвастались этим, и рассказывали, какой испытывают кайф. Юля тоже была готова испытать кайф, но как без любви? Любовь пришла, когда появился Гера.

Ей чудилось, что он поднимается ли к ней. Прислушивалась. Но он, бессовестный, оставался глух к ее немому при-

зывам.

Сколько она пролежала в таком томительном беспокойстве, ей было неизвестно. Оно, беспокойство, давило на нее и злило. Сколько можно испытывать такое давление! Наконец, она не выдержала, решительно откинула простыню и, не одеваясь, шагнула на лестницу. Спускалась с остановками и бьющимся сердцем.

Остатки их ужина были уже убраны и посуда перемыта. Гера, раскинувшись на спине, лежал в одних плавках. Груды ее напряглись. Она сделала еще шаг и бросилась в его постель, как Анна Каренина под поезд...

Утром он улетел. Сказал, вернется, а когда? Мирзоев уже прилетел, а Геры все не было. И она снова вышла на тропу войны. У деда Рамиля в оружейной комнате стояли две снайперские винтовки Драгунова. Они с Валею уже стреляли из них. Тренер готовил их к всесоюзным соревнованиям и дал им ключ от оружейной.

Место засады Юля выбрала на той стороне реки. Со склона, поросшего можжевельником, ей хорошо были видны и пляж, и лодочная станция, а самое главное – ментовский особняк, где Мирзоев встречался и с кавказцами, и с московским генералом Коршуновым. Гера называл особняк кишлаком. Если провести прямую линию через речку, то до него было метров сто пятьдесят. Ближе к берегу, сразу за можжевельниковыми кустами росли три корявых вяза. Юля прошла к ним. И чуть не свалилась в яму. Она была глубиной боль-

ше метра. И завалена сверху хворостом. Какому дураку понадобилось копать ее здесь!

А место у вязов было идеальным. Не только для наблюдения, но и для засады снайпера. Одно плохо: ни кустов вокруг, ни высокой травы. Даже вётлы не растут на закованном в бетон берегу. Не ровен час – вдруг винтовку заметит кто-нибудь? Никакой маскировки!

И тут ее осенило: яма! Ведь во время войны бойцы стреляли из окопов, такие кадры в каждом военном кинофильме показывали. Чем эта яма не окоп? Она разгребла хворост, прыгнула вниз. Очень удобная яма. Можно даже присесть на неизвестно как попавший сюда брикет силоса. А куча хвороста сверху – неплохая маскировка для винтовочного ствола...

Свой окоп Юлька заняла уже в сумерках и навела оптический глаз винтовки на изученный до мелочей кишлак. Как и предполагала, на этот раз жизнь в нем, если и не была ключом, но была к этому готова. У ворот дежурил с автоматом охранник в камуфляже. Во дворе топтался народ, стояли два автобуса и джип.

Сумерки меж тем быстро густели, и, похоже, собирался дождь. Показавшийся ненадолго месяц торопливо скрылся. А звезды вообще не казали глаз.

Юля не стала ждать, когда стемнеет совсем. Забралась в окоп и стала наблюдать. Картина довольно долго не менялась, пока, где-то около двенадцати, не появился Мирзоев.

Камуфляжники построились. Начальник минут пять что-то им втолковывал. Инструктаж закончился, его волкодавы разбили на мелкие группы и вышмыгнули за ворота.

Минуты через три Юлька вдруг обнаружила, что трое с фонарями направляются по мосту на ее берег. Она не запаниковала. Однако из окопа выбралась. Торопливо зашагала к зарослям крапивы. Плюхнулась в самую серединку крапивных зарослей. С размаху обо что-то ушибла коленку. То была прихваченная у тети Любы лопата.

Крапива чекалила по рукам и по лицу. Не обращая внимания на ее укусы, она надвинула на голову капюшон ветровки и высунулась из зарослей. Патрульных узрела

по фонарным светлячкам. Они топали по берегу, и снопики света метались во все стороны. Юлька успела пригнуть голову, когда луч мазнул по кусачим зарослям и заскользил в сторону вязов.

– Ну-ка, пошарь у тех вон деревьев, Бобер! – услышала она приказной пропитый голос.

– Да нет там никого!

– Пошарь, говорю!

Юля ахнула: там же окоп с винтовкой! Снова высунула голову и увидела, что двое уселись на бугорок, а третий, показавшийся ей в сумраке длинным, как пожарная каланча, направляется к вязам, подсвечивая себе мощным фонарем. Юля не выпускала его из вида. Бобёр остановился подле вязовой развилки. Зачем-то посветил вверх, хотел, наверно,

обнаружить преступника на дереве. Затем световое пятно переместилось на кучу хвороста перед окопом. Сделай он еще шагов шесть – семь, и непременно обнаружит ее укрытие.

– Чиста-а! – крикнул он.

– Ты там пошуруй и догоняй! А мы пошли.

Бобер отозвался не сразу. Лишь после паузы проорал:

– Ладна-а! Скоро буду!

– Не вздумай к своей кухарке свалить! Свалишь – прикрывать не стану!

Не торопясь, оба двинулись к мосту. Долговязый Бобер видно все же решил осчастливить кухарку, потому что шуровать по округе не стал, а, выключив фонарь, направился напрямую к коттеджам и двигался точь-в-точь на Юлю. Крапива для его камуфляжа была нипочем, и она поняла, что встречи не избежать. Что делать, не знала, но почему-то не растерялась, а сосредоточилась. Даже сжалась, как пружина. Нащупала тети Любину лопату, ухватила черенок и стала ждать. Другого ничего не оставалось.

А тот пер напролом и даже что-то мурлыкал.

Она подобрала ноги: вдруг пронесет? Но не пронесло. Он зацепился за ее кроссовки, выронил фонарь и рухнул на землю. Юлька мгновенно вскочила, и, что было сил, тяпнула его лопатой в загривок. Он странно хрюкнул и больше не пытался подняться. Все еще держа на всякий случай лопату в руках, она склонилась над ним. Голова его была повернута

на бок. Он открывал рот, пускал пузыри, и от него воняло диким перегаром.

Юльку понесло на автопилоте. Не она, а робот, пробудившийся в ней, перевернул его на спину. Вытянул из брюк тонкий ремень. Завел его руки за спину и стянул их ремнем до самого упора. Теперь надо было стреножить ноги. Ни ремня, никакой другой веревки у нее не было.

Она, как мародер, обшарила его карманы. В одном нагрудном нашла пистолет, в другом – тоненькую пачку пятидесятидолларовых купюр и нож-выкидушку. Доллары сунула себе за пазуху, пистолет – в глубокий карман ветровки. Нож выщелкнула и начала срезать со штанов и куртки все пуговицы. Даже резинку трусов перерезала. Не побежит же он со спущенными штанами, когда очухается!

Похоже, он уже приходил в себя, потому что с его губ слетел матерок. При ней не было никакой тряпки, и она, недолго думая, оторвала от своей блузки лоскут, черенком ножа раскрыла ему пасть и затолкала весь лоскут в глотку. Затем сняла с себя джинсовый плетеный пояс, располовинила его выкидушкой. Получившиеся шнуры привязала к концам лопаты и болтающимися тесемками стянула щиколотки кухаркиного ухажера.

Никто и никогда ее этому не учил. То ли начиталась детективов, то ли просто действовала по наитию, но, на ее взгляд, она вывела мистера Бобра из строя надолго. Но видно сказало отсутствие опыта. Когда она посветила на него его же

фонарем, он мыкнул пару раз и открыл глаза. Вряд ли он смог разглядеть ее, тем более в капюшоне. Но на всякий случай она с силой приложила кроссовкой к его уху, и он опять затих. На прощанье она не удержалась и пообещала ему, придав голосу хрипоту:

– Пикнешь – пришью!

Окоп ей показался родным приютом. Она снова прильнула к оптике.

Ментовский двор постепенно снова заполнялся. Вскоре на крыльце появился коротконогий помощник Мирзоева, тот по-приятельски называл его Колянком. Рыкнул на камуфляжников. Те толпой ринулись к автобусам, загрузились и укатили. Выехал и мерс генерала. Страж ворот или поленился их закрыть, или получил такое распоряжение.

Юля примерно знала, что произойдет дальше. Программа ментовского досуга была ей знакома. Волнения она не испытывала. Сидела на брикетном тюке, не обращая внимания на зачинавшийся дождь. Приникнув к оптическому прицелу, поводила стволом по освещенному двумя прожекторами двору. В окружной темени он был похож на яркую арену цирка, на которой топтался подсобный рабочий – охранник с автоматом.

Гера выпал из Юлькиной головы в ту ночь. Как выпали родители, Валя Пинегина, великий татарин дед Рамиль. Ее даже не беспокоил переполох, который подымется, когда Мирзоев проглотит пулю. Не думала и о том, как будет ухо-

дить. Это

тоже оставалось для нее делом туманного «завтра» и про-скакивало мимо сознания, как полет во сне.

Она переместила оптику на дорогу, по которой должен был вернуться мерс. Ей почудилось какое-то шевеление в ку-стах у самых ворот. Но сколько ни вглядывалась в то место, все было недвижимо и безмолвно. Да и что можно разгля-деть во влажной темени – ничего.

Однако минуты через три она поняла, что шевеление во-все не почудилось. Подле охранника мелькнула серая тень, и он кулём рухнул на землю. Тень легко взвалила на плечо тело и растворилась за воротами.

Такое в ее планы не вписывалось. Хотя, возможно, и не нарушало их. Наверное, об этом стоило задуматься, по-тому что пропажа охранника могла иметь самые непредска-зуемые последствия. Но Юля была не способна мыслить реа-листически, и разгадывать случившийся ребус не сбиралась. Она вся была в ожидании одного единственного момента. Когда Мирзоев выйдет на крыльцо.

Наконец, по лесистому склону полоснули фары. То воз-вращался с шалавами ментовский мерс. Далее все пошло по отработанному сценарию. Три шалавы вылезли из ма-шины и стали прихорашиваться. Водила, не обратив ни малейшего внимания на отсутствие охранника, поднял-ся на крыльцо. Просигналил кнопкой о своем прибытии. Но вместо генерала, как она ожидала, из дома, покачиваясь

на коротких ногах, вывалился его помощник. Что-то сказал коротко. Девицы встали рядком в готовности к смотрам.

Тут и вывалился Мирзоев. Юле потребовалось не больше секунды, чтобы поймать его золотозубую пасть в прицел.

То, что произошло дальше, повергло ее в шок. Не было ни щелчка, ни эха выстрела, ни отдачи. Увидела лишь, как неведомая сила отбросила генерала, и он опрокинулся на ступени навзничь.

Она была абсолютно уверена, что не успела нажать на курок! Не могла же выстрелить и не заметить этого. Ну, никак не могла! И указательный палец все еще оставался на спусковой скобе. Однако ее и Герин враг оказался поверженным.

Все это пронеслось в ее голове подобно молнии. Хоть она и была в шоке, но автоматически фиксировала все, что происходило в кишлачном дворе. Девушки онемели. Первым из столбняка вышел коротконогий помощник. Сиганул с крыльца, шлепнулся на асфальт и на карачках, подняв зад, пополз к машине...

Ах, какая это была легкая мишень – его зад! Пусть хоть этот получит! Она выстрелила, почти не целясь. И даже не усомнилась, что прошила его в самом болезненном месте.

Больше ничто Юлю не интересовало. Она положила винтовку на бруствер и откинулась к стенке окопа, подставив лицо под мелкие дождевые капли. На душе у нее было пусто, как на кладбище ночью. Ни мыслей, ни чувств. Только усталость, будто после тяжелой физической работы. Она

понимала, что надо делать ноги. Если не убегать галопом, то хотя бы уползать. Но продолжала сидеть чучелом.

Из оцепенения ее вывел громкий шепот:

– Ты что натворила, дура!

Юля подняла глаза и увидела Геру. И несколько тому не удивилась. Георгий ухватил ее за руку, рывком вытянул вверх.

– За мной! – приказал тем же громким шепотом.

Она даже не заметила, когда он успел забрать винтовку. Взял ее за локоть и потащил, ни слова не говоря, за собой. Она лишь поняла, что направляются они в обход холма к шоссе.

Заросли крапивы, где валялся Бобёр, оставались слева. Поравнявшись с ними, Георгий сунул руку в карман ее ветровки, вытянул доставшийся ей в качестве трофея «Макаров» и швырнул его поближе к крапиве. Сказал сердито:

– Волына тебе ни к чему.

Она не воспротивилась. Все, что он делал, воспринимала, как необходимость. Да и не было у нее сил чему-то противиться. Ногами перебирала, словно во сне. То и дело спотыкалась, но Георгий не давал упасть. Даже усилившийся дождь не мог заставить ее очнуться. До той минуты, пока не заметила на обочине шоссе силуэт автомобиля. Дернулась было назад, но Георгий не выпустил ее руку.

Силуэт оказался жигулями. Со стороны водителя приоткрылась дверца. Из темноты слышался голос:

– Прокол?

Георгий ничего не ответил. Открыл дверцу с другой стороны, впихнул ее на заднее сиденье и нырнул следом за ней. Скомандовал шоферу:

– Гони!

– Уходить будем? – спросил тот.

– Хрен его знает!

Юля склонила голову на Герино плечо. Он не отодвинулся, лишь недовольно произнес:

– Я же тебя просил не соваться не в свое дело!

– В какое дело? – пробормотала она.

– Зачем завалила Мирзоева?

– Это не я.

– Кто же, по-твоему?

– Не знаю. Я пульнула только в помощника.

– Юля, не ври! Все равно узнаю.

– Я не вру, Гера.

Наверно, он пожалел ее: перестал расспрашивать, Юлька отметила это с благодарностью. Езда навевала на нее покой и сон. Она смежила веки. Спросила сквозь дрему:

– Куда мы едем?

– Потом узнаешь, – тон ответа совсем не походил на голос возлюбленного. Но плечо от ее головы он все же не отодвинул.

Мысли ее были половинчатыми и ленивыми. Вот, наверное, хай поднялся в городе! Всех ментов на уши поставили:

ищут и киллера, и заказчика. И еще ей было жалко папу. Надо обязательно позвонить ему. Но не сейчас, а утром, после того, как мама уйдет на работу...

Юля задремала. Но сквозь дрему продолжала ощущать все, что происходит. Гера кому-то звонил. Машина куда-то сворачивала, минут пять тряслась по ухабам. На короткое время остановилась и снова тронулась. Когда мотор вдруг перестал работать, она убрала голову с Гериного плеча. Он вылез. Минут через пять вернулся.

– Выходим! – сказал.

Дождь выдохся, и из-за рваного облака собиралась выползти на небесные просторы луна. Они находились внутри какого-то ограждения. То ли автопарка, то ли мастерской. Везде были натыканы машины, некоторые даже без кузовов. Двор слабо освещали два фонаря со скрипучими железными колпаками.

– Гера, – жалобно произнесла она, – как я теперь верну деду Рамилю винтовку?

– Я уже решил этот вопрос, – взял ее за руку и повел мимо горы ящиков к приземистому кирпичному зданию.

Впритык к кирпичной стене стояла серая «Волга». Георгий по-хозяйски открыл обе дверцы.

– Садись назад и спи. Там сзади маленькая подушка и плед.

– Мне домой надо позвонить, – жалобно произнесла она.

– Потом...

Они выехали из ворот. Попетляли по улицам неизвестного ей городка и покатались по трассе.

Больше Юлька ничего не запомнила, потому что свернулась на заднем сидении калачиком и, укрывшись пледом, уснула. А когда пробудилась, было светло и солнечно. Она взглянула на часы: два часа дня.

«Волга» стояла у подъезда пятиэтажки. Георгий куда-то делся. Не успела она, как следует взволноваться по этому поводу, как он вышел из подъезда. Заглянул в салон и сказал:

– Приехали.

– Где мы?

– Недалеко от Москвы. Вылезай, пойдем домой.

– Ты здесь живешь?

– Изредка.

Лифта в доме не было. Они поднялись на третий этаж, и Георгий открыл ключом обитую невзрачным серо-грязным дерматином дверь. Она шагнула вслед за ним.

Слабый жилой дух в квартире все же ощущался, но все равно жилье выглядело неухоженным. Юльке это даже понравилось: значит, женщинам сюда хода нет. А от мужчин что требовать? Благоустраивать квартиру и поддерживать в ней порядок им не по нраву. Домашний уют – удел женщины. Создать его она сумеет.

Наверное, природа определила ей быть нахалкой и фантазеркой. Иначе она бы не предположила, что станет здесь полноправной хозяйкой. Она по-хозяйски повесила на вешалку

свой тощий рюкзачок. Сняла кроссовки и влезла в растоптанные мужские тапочки. Спросила:

– Это твоя квартира, Гера?

– Казенная. Принадлежит она людям, которые уже несколько лет живут в Израиле. И неизвестно, вернутся ли когда-нибудь.

– Ты их знаешь?

– Нет. Они знакомые моего приятеля.

– За квартиру ему платишь?

– Никому не плачу. Все, Юля, хватит вопросов. Оставайся тут. Можешь принять душ. Чистое белье в шифоньере...

– А ты куда? – не дала она ему договорить.

– Съезжу за продуктами, в холодильнике пусто. Ты пока позвони домой, чтобы родители шум не подняли. Скажешь, что уехала в Москву поступать в вуз. Пусть вышлют все твои документы на почтамт Казанского вокзала «до востребования».

– Я – что, в самом деле, буду поступать в институт?

– Посмотрим... Вернусь через час. Позавтракаем, и опять уеду.

– Зачем?

– По делам. Возвращусь ночью.

– Гер...

Но он уже не слышал ее, скрылся за дверью.

Юлька с трудом отыскала под кроватью покрывшийся пылью телефон. Подняла трубку – аппарат работал. Набрала

код родного города и зазубренный с детства номер своего телефона.

Трубку снял папа. Услышав ее голос, спросил:

– Ты у тети Любы?

– Нет. Я звоню из Москвы.

На том конце провода повисло молчание, и она поспешила рассеять папины страхи.

– Ты только не волнуйся, папа. У меня на самом деле все хорошо. Лучше не бывает, папа. Я решила поступать в институт. Здесь, в Москве. Успокой маму. И вышлите мне все документы на почтамт Казанского вокзала «до востребования».

Папа продолжал молчать. Пожалуй, потрясение для него было слишком сильным. Господи, не дай, чтобы с ним что-нибудь случилось!

– Папулечка! – закричала Юлька. – Ты меня слышишь, папулечка?

– Да, доча, – проговорил он, едва не рыдая. – Где же ты остановилась, доча?

Она замялась.

– У Георгия?

– Да.

– Я так и знал...

– Не переживай, папа. У меня все отлично.

– Скажи номер телефона, откуда звонишь.

– Я не знаю его. Все, папочка. Целую вас с мамой. Потом

еще позвоню, – и торопливо положила трубку, чтобы избежать лишних вопросов.

Закончив разговор, Юля пригорюнилась. Представила, как переживает папа. Догадался, наверняка, что она спит с Георгием. Такая уж у родителей участь – переживать за взрослых дочерей. Но рано или поздно дочерям все равно придется начинать самостоятельную жизнь

С такими невеселыми мыслями она, прихватив из шифоньера вместе с полотенцами Герину чистую рубашку, забралась в ванную. В его рубашке, как в минихалате, и встретила вернувшегося из магазина любимого. Он купил не только продукты, но и ночную рубашку с тапочками. Для нее, естественно.

За столом Юля все ждала, что он начнет допрос с пристрастием по поводу ее киллерства. Не дождалась. Сама завела разговор:

- Я не стреляла в Мирзоева, правда!
- Знаю. Ты израсходовала только один патрон.
- Кто же тогда его?
- Тот, кто имел доступ к винтовке Драгунова.
- Я и дед Рамиль.
- Он мог пристрелить Мирзоева?
- Рамиль Ахсанович плохо видит. Мы никогда не видели, чтобы он стрелял.
- Гадать не имеет смысла, Юля. Теперь это не имеет значения.

– Как не имеет?

– Не бери в голову. Со временем все прояснится.

И укатил, как обещал.

Сидеть одной в незнакомой квартире и в неизвестном городе было тоскливо. Юля сделала попытку уснуть, но ничего не получилось: выпалась, пока ехала. Надо было бы прибраться в квартире, чтобы Гера удивился ее хозяйственности. Но делать ничего не хотелось, и перебороть себя она не смогла.

Она включила телевизор. Пощелкала кнопками пульта, избавляясь от навязшей в зубах рекламы. Для себя она уже давно решила ничего не покупать из того, что рекламируют, назло их занудству и тупости. И не покупала. Хотела уже выключить всю телевизионную белиберду, как наткнулась на «криминальную хронику» и сразу же услышала фамилию Мирзоева. Начало передачи она пропустила и включила ее, когда экран заполнила упитанная физиономия генерала Коршунова по прозвищу «Шура Лимон».

– Все знают, что наша служба и опасна и трудна, – вещал он. – Мы всегда на переднем крае. Гасан Мирзоев тоже с переднего края. Он был кристальный человек, принципиальный борец с преступностью и коррупцией. Негодяи убили его. Но мы приложим все силы и найдем подлых убийц.

Слушать дальше Юля не стала. Как же легко, оказывается, сделать черное белым и наоборот! Люди послушают этого пухлогубого мерзавца и решат, что киллер и впрямь шлеп-

нул кристальной души человека. Если бы они знали!..

Гера приехал в первом часу ночи. На его лице не было и следов усталости. Он явно был чем-то доволен. Юлька быстро кинулась на кухню подогревать поджаренную на сале картошку. Вытащила из холодильника помидорный салат с колечками лука, сыр и колбасу, нарезанную заранее тонкими ломтиками.

К этому изобилию Георгий добавил коньяк и шампанское. Рюмок в квартире она не нашла, только стаканы. Ей он налил шампанского, себе – полфужера коньяку, да еще плеснул в него и шампанского. Однако никакого тоста не последовало, хотя она и ждала «за тебя красивую!» Он спросил:

– Родителям звонила?

– Да.

– Сказала, чтобы документы выслали?

– Сказала все, как ты велел.

– Учиться серьезному делу хочешь?

– Хочу.

– Я сегодня поговорил о тебе с кем надо. Ты подходишь по многим параметрам.

– Гера, не говори загадками!

– Я предлагаю тебе поступить на наши спецкурсы, – продолжил он. – Учиться два с половиной года. Согласна?

– А на кого я должна учиться? – капризно спросила она.

Он ответил не сразу. Лишь после приличной паузы сказал будничным тоном:

– На исполнителя воли государства.

– Я не понимаю, Гера. На шпиона что ли?

Он то ли хмыкнул, то ли кашлянул. Она спросила:

– Ты тоже исполнитель воли?

– Да.

– Тогда согласна. Где я буду жить, пока учусь?

– В казарме. Вдвоем с напарницей или одна.

– А ты?

– Одни сутки в неделю тебе станут давать увольнительную. Ночевать будешь здесь или в моей служебной квартире поблизости от вашей казармы.

– С тобой?

Наконец-то он улыбнулся.

– Со мной.

И снова Юлька таяла в Гериных объятиях, уплывала к необитаемым островам и улетала на седьмое небо. Спустившись на грешную землю, готова была опять отправиться в полет. Но Гера намаялся за прошедшие сутки. Положил ей руку на грудь и сказал:

– Два часа сна осталось. Иначе я не работник, – тут же уснул, не сняв с ее груди руку...

Неделю спустя, Юля стала курсантом бursы. Так называли свои спецкурсы белодачники. В бурсе было несколько отде-

лений. Готовили следаков (в обиходе – топтунов), взрывников, чистильщиков. Юлю зачислили на отделение исполнителей, которые должны обладать навыками и тех, и других, и третьих.

Кроме нее, в группе была еще одна женщина. Но через два месяца ее отчислили. Не потянула программу. Она не сгинула. Вакансия для нее нашлась у «медовых ловушек».

Учение Юле давалось легко. Основы стрелковой подготовки заложил еще дед Рамиль. Тир в бурсе представлял собой заглубленный трехсотметровый бункер с толстенным резиновым пулеулавливателем и установленными под углом бронированными листами. Стреляй хоть из крупнокалиберного пулемета – звук наружу не вырвется. А сами, чтобы не оглохнуть, стреляли в наушниках. В полной темноте мелькали вспышки, имитирующие выстрел противника. Следовало поразить его в ту же секунду и уклониться от внезапного лазерного луча, оставляющего метку поражения. Из холодного оружия только со «звездочкой», которую инструктор называл «сирюкен», ей пришлось попыть. На вид – игрушка, а на поверку – страшная вещь, впивающаяся при броске в жертву, как в масло.

Выживание в разных климатических условиях именовалось Робинзонкой. Курсанта забрасывали в исходную точку без продуктов и без компаса, с минимумом одежды и спичками. Задание – обнаружить объект по ориентирам, а при их отсутствии – по обозначенному направлению. Стороны света

он должен определить по солнцу, звездам либо другим природным приметам. Особых проблем с выживанием у Юли не возникло. А вот брезгливость при питании подножным кормом ей пришлось перебороть.

Полигонные нагрузки, смахивающие на физическое измывательство, тоже осилила. Ей претили «тихие ликвиды», хотя она и освоила все приемы: могла впрыснуть через резинку лобового автостекла яд, заложить в спинку сиденья радиоактивную пластинку, опылить авторучку невидимой отравой, вызвать у объекта длительный рвотный рефлекс.

В редкие увольнения Юля прибегала к своему Гере в общежитие, исхудавшая, с шелушащимся носом и довольная собой, как ребенок, получивший долгожданную игрушку. И вообще, по мнению Георгия, она словно бы играла в загадочную игру, не понимая, что игра опасна, и не задумываясь о последствиях. Являлась в их малосемейку и рассказывала об особенностях скоротечного огневого боя, которые накануне отрабатывала в тире. Однажды она явилась в увольнение и с видом первооткрывателя.

– Понимаешь, – сказала, – чтобы свернуть какому-нибудь типу шею, хватит удара ладонью всего в шестнадцать килограммов! А по ушам надо бить до отзвона.

Преподносила эту чепуху, будто опровергала закон Ньютона. Забывала о ней только ночью, когда кидалась на него, словно Клеопатра, желая насытиться на всю оставшуюся жизнь. А спозаранок, не выспавшаяся, и не успевшая позав-

тракать, убывала на скоростях в свою бурсу.

Начальником курсов был полковник Белый. Он же обучал курсантов силовым единоборствам. Он редко кого хвалил. А про Юлю однажды сказал Георгию:

– Твоя Джульетта все схватывает на лету. А нюх на пролушку, как у ищейки. Никакой жучок от нее не спрячешь. Интуиция, что ли? Между прочим, я заметил, что у баб это получается лучше, чем у мужиков.

Навестить родителей она смогла лишь через два с лишним года после того, как закончила хитрую бурсу и получила звание младшего лейтенанта.

Родители к тому времени заметно сдали: безработный папа еще больше усох, а мама погрузнела. Но характер у маман остался тот же. После первых объятий она учинила Юлии допрос с пристрастием:

– Выглядишь ты прилично. Не обижает Георгий?

– Что ты, мама! Любит!

– А почему он не приехал?

– Отпуск не дали.

– Ребенка не собираетесь заводить?

– Пока воздерживаемся.

– Правильно. На ноги встать надо. Жилье-то у вас есть?

Что она могла ответить? Про службу и про малосемейку

на полигоне говорить не имела права. Пришлось врать.

– Гере квартиру дали в новом микрорайоне.

– А с деньгами как? Москва – город дорогой.

Чтобы как-то унять шквал нелегких для нее вопросов, Юлия торопливо раскрыла модную сумку, достала приготовленные для родителей две тысячи долларов и положила на стол.

– Это наш с Герой подарок вам.

Папа недоуменно поглядел на американские банкноты.

– Не надо, ребеночек! Вам нужнее!

– Возьми обратно! – решительно повелела маман, сгребла валюту и попыталась затолкать в карман Юлиных джинсов.

– Не обижайте, – тихо произнесла Юлия и шмыгнула носом. – Я очень хорошо зарабатываю. Гера – тоже.

– Кем же ты работаешь без высшего образования? – подозрительно спросила родительница.

– Референтом в нефтяном холдинге, – опять соврала она.

– А Георгий?

– Там же. Он мой начальник.

– Жируют нефтяники! – произнесла маман. – Воруют и налоги не платят, – и унесла дочерин подарок в спальню.

Встретилась Юля в тот отпуск и с Валею Пинегиной, ставшей чемпионкой республики по биатлону. Сменила все же подружка чистую стрельбу на спорт стреляющих лыжников. Валя кинулась ей на шею, затеребила, зацеловала.

– Дура ты, Юлька! Чемпионкой России стала бы! Дед Ра-

милль натааскал бы тебѣ. Он сейчас в отпуске, уехал с внучками к казанской родне.

Юля навестила тѣтю Любу, не могла не навестить. В Шакшу отправилась не на автобусе, а пешком – по мосту через знакомую с детства речку, мимо вязов, у которых три года назад она караулила с винтовкой золотозубого генерала. Постояла возле дома, где впервые бросилась в Герины объѣтия, и откуда они бежали, уходя от облавы.

Увидев Юлию, тетя Люба обняла ее и вроде бы даже хлюпнула носом.

– Явилась пропащая! Я уж думала, совсем нас забыла! Ну, проходи в избу, полдничать будем.

За обильным полдником Юля спросила:

– Как дядя Саня Наумов поживает?

– По – свински жить не запретишь. Сперматозавр порченный!

Да, тетя Люба ни капельки не изменилась: неожиданные словообразования так и сыпались из нее. А давняя ее любовь, похоже, приказала долго жить. И тетка, словно подтверждая ее догадку, выдала прощальный аккорд:

– Любовь зла, и козлы этим пользуются...

Отпускные дни пролетели, как курьерский экспресс мимо полустанка. Перед отъездом Юлия дала номер своего мобильного и Вале, и родителям. Маман спросила:

– Разве у вас нет домашнего телефона?

– Нет, – честно ответила Юлия.

– Так поставьте! Теперь с этим проблем нет, были бы деньги.

– Наш микрорайон еще не телефонизировали.

Боже! Как ей надоело фантазировать и врать родителям! Но приходилось. Вроде бы даже Библия прощает ложь во спасение! Хотя и не во спасение, но у Юлии тоже были добрые намерения: не хотела волновать родителей.

– Я сама буду вам звонить, – пообещала она.

– Звони по выходным, – сказала маман, – в будни я на работе.

Каждое воскресенье Юля обстоятельно, и опять же не без фантазии, докладывала родителям о том, как хорошо они с Герой живут... Валя звонила сама. Она продолжала карабкаться по чемпионской лыжне, и звонки ее шли то из Финляндии, то из Ханты-Мансийска, то из Уфы. Однажды ее звонок принес печальную весть: Рамиль Ахсанович умер от инфаркта. Юля поехать на похороны не смогла...

В квартиру на улице Вострухина они с Герой переехали через три года. Пять дней всего они наслаждались своими хоромами. В тот же месяц Пилот отправил их в отпуск. Это был первый полноценный отпуск за несколько лет.

Они с Вале́й посетили могилу деда Рамиля на мусульманском кладбище. На памятнике была высечена пятиконеч-

ная звезда, как погибшему воину. Там Валя и сообщила им, что перед кончиной дед Рамиль признался ей: он застрелил Мирзоева.

– Ваш тренер и был воином, – сказал Гера.

Отпускное время катилось неспешно в общении с Юлиными родителями, с приглашением гостей, с выездами на озеро. Никто их никуда не вызывал, ни ежедневных тренировок, ни тревог по ночам, ни оперативных вводных. Маман успокоилась, заполучив адрес их квартиры и номер домашнего телефона.

Они с Герой навестили тетю Любу в деревне Шакша. Годы не брали тетку. Она осталась такой же резкой и говорливой.

– Явились! Не забыли старуху! – встретила она их.

– Не наговаривайте на себя, – вежливо возразил Гера. – Вы совсем не старая.

– Молчи! Умыкнул Юльку, кустарь!

У тети Любы был и сохранился редкий дар вкладывать в знакомое слово совсем иной смысл, угадываемый лишь по ассоциации. Юлька давно приноровилась к ее шарадам, даже любопытно было докапываться до истоков словообразования. «Кустарь» в ее толковании означал, что Гера прятался в кустах, чтобы умыкнуть ее любимую племянницу.

Тетя Люба усадила их за стол. Видя, как Гера уплетает наваристый борщ, похвалила его:

– Хороший жрец! А ты, Юлька, жрица никудышная.

– Верно подметили, Любовь Егоровна, – ответил он. – Ест

она мало...

Охота за невидимкой

1

Юлия и Георгий прилетели из Башкирии во второй половине сентября. У них еще оставалось в запасе целых два отпусковых дня.

– Ты не устала отдыхать? – спросил Гера.

– Устала.

– Нам не хватает привычного колеса. Особенно тебе...

– Что будем делать, Гера? – спросила она, когда собрались обедать.

– Бездельничать, – ответил он. – Если Пилот позволит.

– Он же не знает, что мы уже в Москве.

– Он все знает.

В этот момент и заверещал дверной звонок.

– Вот и кончилось безделье, – сказал Гера и пошел открывать дверь.

Нежданно гостями оказались Пилот со своим заместителем Белым. Юлия и Георгий знали их только по псевдонимам, такой порядок был в подразделении. И воинские звания у всех были. Гера уже три года, как получил майора, а ей три месяца назад присвоили звание старшего лейтенанта. Погоны и награды они надевали один раз в году – 23 февраля, ко-

гда собирались в кафе на полигоне отметить праздник. Пилот и Белый являлись на торжество с золотыми звездами, полученными еще в советское время. Они с Герой тоже надевали награды. Гера два ордена – Мужества и «За военные заслуги», она – две медали Георгиевский Крест 4-й и 3-й степени. Надеялась получить орден за шахидок, но дали медаль, потому что погиб сапер, разминировавший пояс смертницы. Второй медалью ее наградили, когда она и не ожидала. В тот раз их группа, маскируясь под боевиков Яроша, вышла на бывшего президента Украины Януковича и доставила его, куда было приказано. И все дела...

Гости прошли в гостиную. Пилот с прищуром глянул на нее:

– Не зажмешь новоселье, хозяйка?

– Не зажму! – весело откликнулась она и метнулась на кухню. Достала из холодильника тети Любины соленья и копченья. Сняла с плиты приготовленный на обед борщ.

Белый выставил на стол коньяк и вино. Георгий принес фужеры и разложил тарелки. Уселись. Белый налил Юле вина, мужикам наплескал коньяку. Под тост «С новосельем!» выпили, закусили. Белый хотел повторить, но Пилот жестом остановил его.

– Как отпуск прошел, Джульетта?

– Нормально, – ответила она, понимая, что это прелюдия к серьезному разговору.

– Работа вам предстоит, ребята.

– Догадываемся.

– Телевизор в отпуске смотрели?

– Смотрели. И компьютером пользовались.

– Про Варвару Караулову слышали?

– Конечно.

– Обстановку примерно представляете?

– Более – менее.

– Но конкретика не помешает. Объект анализа – Исламское государство⁴. По разным источникам, выходцев из России в Игил⁵ насчитывается от полутора до двух тысяч. Думаю, эти цифры сильно занижены. В основном, ряды боевиков пополняет молодежь Северного Кавказа. Однако там есть добровольцы из центральных и других регионов России. Некоторые даже занимают в тамошней иерархии видное положение. Анатолий Землянка из Ноябрьска – один из палачей ИгилТеррористическая организация, запрещенная на территории РФ. В местной прессе его называют Джихади-Толик. Известен также снайпер по имени Вася. Откуда он родом – неизвестно. Да и имя, возможно, не настоящее. Не хочу читать вам лекцию, давайте вместе порассуждаем, чем и как Исламское государство⁶ заманивает россиян. Тебе слово, Джульетта.

– Заманивают заработками, – подумав, ответила она. –

⁴ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ

⁵ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ

⁶ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ

Пропагандой через Интернет и живую в мечетях. В регионах, где молодежь не может найти работы.

– Но уезжают не только безработные и бедные.

Юлия задумалась. Ответил Георгий:

– Вербовщики обещают построить новое справедливое государство, основанное на законах шариата. Для людей, которые не нашли себя в обществе и которые столкнулись с несправедливостью, все это может казаться привлекательным.

– Согласен с вами, сказал Пилот. – Нам поручено заняться этой проблемой. В частности, тебе, Джульетта, и старшему лейтенанту Каирбаеву. Твой Ромео будет вас страховать.

Юля обратила внимание, что Талгата командир назвал по фамилии, а не по псевдониму – Таксист. Когда-то Талгат и Гера служили вместе в морской пехоте, с тех пор и дружат.

– Регион наших действий? – спросил Гера.

– Пока Москва. В Казани года три назад задержали группу ваххабитов во главе с имамом Шамилем. В миру он Амир Тулеев. Проповедовал в одной из мечетей. Перед арестом застрелился. Откуда он приехал в Казань – неизвестно. Возможно, с Северного Кавказа. Установлено, что на него работал вербовщик Ибрагимов Алик, студент университета. Тот успел скрыться. Его личное дело тоже исчезло. Из опросов сокурсников удалось узнать, что он из Набережных Челнов. Дома не появлялся.

– Родители мусульмане? – поинтересовалась Юлия.

– Мать русская, отец татарин.

– Как они реагировали?

– Сами были в шоке. Мать только плакала, отец переживал молча. Он, конечно, не олигарх, но известный в городе предприниматель. В связях с криминалом не замечен. В школе и в университете сын учился отлично. Был чемпионом города по шахматам. В доме и в школе не нашлось ни одной его фотографии. Значит, парень уже знал, чем будет заниматься в Казани. Судя по всему, человек он неглупый, а, возможно, и талантливый. Новая его фамилия и место жительства не известны.

– Невидимка, стропорез ему в зад! – буркнул Белый.

Юля спросила:

– Если наш регион Москва, значит, вы предполагаете, что вербовщик Ибрагимов здесь?

– Предполагаю. Есть в Москве мечеть, куда он, возможно, подчеркиваю: возможно, однажды наведался. Строительство этой мечети спонсировал турецкий бизнесмен, занимающийся в Москве и Подмоскowie строительством. Информации о связях турка с ИгилТеррористическая организация, запрещенная на территории РФ нет. Вот так, Джульетта. Вы с Таксистом должны посещать эту мечеть. Ваша задача выйти на вербовщика и на тех, кого он уже успел завербовать. И отследить всю цепочку до Игила⁷.

– Может, подставиться через Интернет, как Караулова?

⁷ Террористическая организация, запрещенная на территории РФ

– Нет. Он очень осторожен, в Интернет не выходит. Тебе, Джульетта, снова придется стать корреспондентом «Оракула». Таксист уже работает у Люсьены водителем. Завтра ты отправляешься сразу в редакцию. Ромео выходит на службу. Контакты с конторой только через Ромео и Люсьену. Вопросы, Джульетта?

– Всё понятно.

– Вот и ладушки. Наливай, Белый...

Люсьена Арнольдовна Гугина была бессменным редактором журнала «Оракул». Когда-то, еще в советские времена, она была подчиненной Пилота. В перестроечные годы осталась не у дел, обнищала и стала попивать. Востребованный после ельцинского безвременья Пилот разыскал ее и вытянул из пропойного болота. В штат «дачников», понятно, не зачислил, но дело ей нашел.

Поставил на подопечный журнал, далекий от всякой политики и от мирских проблем. Хватка у Гугиной видно сохранилась: ее «Оракул» вскоре перешел на самоокупаемость и даже, как ни странно, стал приносить неплохую прибыль. Впрочем, в смутные годы колдуны и знахари всегда были в почете.

С Люсьеной Юлия познакомилась при разработке шахидок-смертниц. Операция называлась «Черные вдовы». Тогда

Юлия и стала впервые корреспондентом «Оракула»...

В редакции все было, как и прежде. Икона в переднем углу. В книжном шкафу Библия, Евангелие, Коран, индийские Веды, другие религиозные издания.

И сама редактриса ничуть не изменилась. С черными пронзительными глазами, с иссиня-седоватым гребнем прически и бросающимися в глаза усиками над верхней губой, она, как и прежде, была похожа на булгаковскую ведьму. И одета была знакомо, в яркую балахонистую кофту и юбку до пят. Усадив Юлию в кресло, она объявила:

– Теперь ты Насырова Раиса Рамилевна. Вот твое удостоверение и паспорт. Отец у тебя татарин, мать – русская. Родители жили в Уфе, адрес в папке.

– А сейчас они где?

– Умерли.

– А дочь у них была?

– Была и есть. Она тебе не помеха.

– Где сейчас Таксист?

– Псевдонимы здесь ни к чему. Талгат уехал за тиражом. Кстати, в последнем номере «Оракула» твоя статья о пророчествах Мохаммеда и, понятно, с фоткой. Исламисты сочтут статью, мягко говоря, несерьезной. Зато вербовщик может обратить на автора внимание. Талгат приедет, внимательно прочитай свой опус и запомни. В пятницу поедете в мечеть. Всё, Раиса. Вот тебе папка, изучай, – и, шурша одежками, редактриса скрылась в своем кабинете.

На фото с надписью «Адрес Насыровых», вложенном в папку, был изображен за невысоким забором аккуратный домик с колонкой во дворе. На табличке можно было прочесть: ул. Воровского, 11. Район был ей знаком. По этой улице Георгий гнал арендованную «Мазду», когда они заметили слежку. К снимку приложены жизнеописание семьи и схема расположения комнат.

В отдельном конверте лежала фотография деревянной мечети, где, как предполагалось, засветился вербовщик, и ее адрес.

Приехал Талгат. Увидев Юлию, изобразил улыбку, сказал: – Я сейчас редакторше журналы занесу.

У него не было трех пальцев на левой руке. Их отхватил ему недоносок из бригады Джабраилова, обманом захватившей Талгата. Бойцы Пилота успели прийти ему на помощь. Кровь за кровь, и Талгат тогда сам лишил своего мучителя трех пальцев. Сколько времени прошло с той поры? Год, полтора?.. И бригада, и бригадир, и его племянник-недоносок давно уже гниют в земле.

Талгат вышел от редактрисы минут через десять. Протянул Юле один журнал. Сел напротив нее. Он вообще никогда не улыбался. И лицо у него было, как у азиатского идола. Юлия и представить не могла, как он общался с женой и с дочкой.

– Как твои дамы? – спросила она. – Не скучают по Алма-Ате?

– Нет.

– Из тебя – что, слова клещами вытаскивать надо? Что они делают? Чем сейчас занимаются?

– Дочка в пионерлагере, Гуля туда врачом на лето устроилась.

– Навещал их?

– Вчера ездил. Довольны.

– Гера тебе привет передал. На службу сегодня вышел.

– Знаю. Я поехал тираж развозить по точкам.

– Послезавтра нам с тобой в мечеть, Талгат...

Мечеть, интересующая Юлию и Талгата, была небольшой. Находилась она почти на окраине Москвы. До Соборной мечети, рассчитанной на десять тысяч человек, ей было, как от земли до неба. Посещали ее, судя по всему, люди небогатые: мигранты, жители новых домов, выросших на месте прежних деревень. Талгат припарковал свою «буханку» на стоянке, и они двинулись к мусульманскому храму.

Было не по-осеннему тепло, и прихожане не торопились утепляться. По сравнению с местными верующими, хиджаб Юлии выглядел весьма изысканно: бежевое полотняное платье до пят с длинными рукавами и белый кружевной платок. Талгат был одет в легкий серый костюм и тубетейку, в которой его смуглое не улыбающееся лицо еще больше походило

на идола.

Прежде, чем войти в мечеть, они сняли обувь. Талгат, свершив омовение, пробормотал:

– Бисмилляхи вас-саляму аля Расулюллах. Аллахумма афтахли абваба рахматик.

Юлия уже знала, что это означало «Я вступаю сюда с именем Аллаха и молитвой благословения его Посланнику. О Allah, открой мне двери твоей милости».

Она огляделась. На полу чистые ковры. Впереди, ближе к нише с кафедрой для имама, в два ряда крашенные скамейки. На них сидят мужчины, в основном, старики. Молодежь на ногах, справа, слева. Женщины в платках позади, где тоже стоят две пустующих скамьи. Народ ждал проповеди.

Талгат прошел вперед, сел рядом с седобородым и худым бабаем.

Юлия присоединилась к кучке женщин и стала незаметно рассматривать парней. И вдруг сама ощутила на себе взгляд. Она разглядела его из полуопущенных ресниц. Довольно красивый молодой мужчина лет тридцати с аккуратной черной бородкой. Примерно столько же лет и вербовщику. Он так и стриг ее глазами. Улыбнуться в ответ или нет? Пожалуй, не стоит. Пусть сам выходит на контакт...

Коротко звякнул колокольчик. В нише открылась дверца, появился имам и направился к минбару. Талгат просветил Юлю, что так называется кафедра, с которой тот проповедует.

Она не понимала, о чем проповедь. Похоже, проповедь не особо интересовала и мужчину с бородкой. Он даже попытался привлечь ее внимание. Но Юля сделала вид, что не заметила, как он дважды пошевелил пальцами.

Проповедь кончилась. Наступило время намаза. Все опустились на колени. Юлия делала то же, что и другие женщины. Преклонялась, шептала: «Аллаху акбар», поднималась, снова опускалась. Из мечети она вышла одна из первых. Надела свои туфли с вшитыми в подошвы заточенными с носка титановыми пластинами, надела их. И услышала бархатистый голос:

– Вы впервые в нашей мечети?

– Впервые, – ответила она, вышла наружу и направилась к автостоянке. Там они договорились встретиться с Талгатом.

Незнакомец с бархатистым голосом последовал за ней.

– У вас своя машина? – спросил он, когда они остановились у будки охранника.

– Нет, машина казенная. Водитель сейчас подойдет.

– Если не секрет, где вы работаете?

– А вы где?

– Я свободный художник. Работаю по заказам.

– Я корреспондент журнала «Оракул».

– Почти коллеги. Есть повод познакомиться. Меня зовут Раис.

– А меня – Раиса.

– Это не просто случайность, Раиса, сегодня звезды сошлись на небе. Такое событие надо отметить. Вы не торопитесь домой?

– Нет. Но мне далеко ехать.

– У меня во дворе мечети тоже авто. Доставлю, куда скажете.

Кулончик на шее Юли был миниатюрным микрофоном. Их разговор слышал не только Талгат, но и Гера, который сидел поблизости в «Волге» с форсированным движком.

– Можете отпустить своего водителя? – продолжил форсировать события Раис.

– А надо ли?

– Я же говорю, что звезды сошлись на небе.

Подошел Талгат. Спросил:

– Домой, Раиса, или в редакцию?

– Я задержусь. Езжай в редакцию.

Юлия не ожидала, что автомобиль ее подозрительного знакомого окажется обычными жигулями седьмой модели, а не быстроходной иномаркой.

– Шофер у тебя, как истукан, – сказал он, когда они выехали со двора.

– Зато надежный. Мастер по восточным единоборствам.

– Где отметим наше знакомство? – спросил он.

– Предлагаешь халяльное кафе?

– Почему халяльное? Можно поехать в приличный ресторан или ко мне домой.

– У тебя своя квартира?

– Я же не москвич. Приехал сюда из Чувашии. Заработки здесь хорошие.

– А сейчас снимаешь?

– Снимаю. Собираюсь купить квартиру в Красногорской новостройке.

– Жильё оформляешь официально?

– Ты что, Раиса, налоговый инспектор?

Стоп! – одернула она себя мысленно. А вслух сказала:

– Не хочешь, не отвечай.

– Просто хозяин не хочет налоги платить.

Пока в цвет, подумала Юлия. Новый паспорт он не засветил, возраст подходящий, в деньгах не нуждается. А жигули – для маскировки. Больше никаких вопросов, он не дурак.

– Не люблю я рестораны, – произнесла она. – Поехали к тебе!..

Квартира у него была, хоть и однокомнатная, но улучшенной планировки. У глухой стены стоял раздвинутый двухспальный диван. Два окна выходили на освещенную улицу. Юлия подошла к окну. Заметила приткнувшуюся к обочине Герину «Волгу». Хозяин, между тем, достал бутылку коньяку с фужерчиками, выставил на журнальный столик. Добавил к ним блюдце, две шоколадки и лимон. Аккуратно нарезал лимон. Спросил:

– Есть хочешь? У меня есть колбаса, сыр. Могу сварить

курицу.

– Сыр давай. Больше ничего не надо.

Он вышел на кухню. Она наклонилась к кулончику, проговорила шепотом:

– Квартира девять, код – решетка 11. решетка 1467.

Затем сглотнула таблетку, чтобы не опьянеть и заела долькой лимона.

Раис появился с горкой нарезанного сыра, уложенного в узорную тарелочку, и двумя ломтями лаваша. Уложил все на столик, подкатил его к дивану, на котором сидела Юлия. Сел рядом с ней. Наплескал в фужерчики коньяку. Сказал:

– За знакомство Раисы и Раиса!

Выпили. Закусили лимоном и шоколадом. Юлия, чтобы оправдать свою просьбу сыра, проглотила пару ломтиков. Предложила:

– Еще по одной?

Снова выпили. Он спросил:

– Ты не замужем?

– Нет, Раис. Одна на всем белом свете.

– Ни матери, ни отца?

– Умерли, – ответила она и подумала: прощупывает.

– На бедную сиротку ты не тянешь. Прикид на тебе не дешевый.

– Я хорошо зарабатываю.

– Между прочим, на мусульманку ты не похожа, хотя, как я заметил, обряды знаешь.

– У меня отец был татарин, а мама русская. Чего расспрашиваешь? Какая тебе разница?

– Никакой.

Он опять взялся за бутылку. Выпили. Юлия притворилась захмелевшей. Раис придвинулся вплотную к ней. Положил руку на плечо.

– Не нахальничай, – проговорила она и дернула плечом. – Поговорим о жизни.

– Поговорим, – согласился он, но руку с плеча не убрал.

– Ты доволен жизнью?

– Доволен.

– А я нет.

– Почему?

– Замуж хочу. Но мой герой еще не встретился. Одни мозгляки вокруг.

– Может быть, я – твой герой?

– Пока не знаю. Ты же художник, а не воин.

Раис, между тем, наплескал в фужерчики снова, дозу побольше. Выпили.

– Чего молчишь? – пробормотала она. – Герой ты или нет?

Он сгреб ее и стал валить на диван. Она легко выскользнула из его рук и ткнула в нервный узел под ухом. Тот обмяк. Сказала вслух: «Сволочь!» Достала из сумочки скотч, спеленала кавалера и заклеила ему рот. Из кулончика слышался голос Геры:

– Помощь требуется?

– Нет. Наверно, я ошиблась.

Прежде всего, она обшарила карманы его одежды. Нашла триста долларов, около трех тысяч рублей и договор на проведение орнаментных работ в мечети. Паспорт обнаружила в тумбочке. Он был выдан в Чебоксарах Саитову Раису Робертовичу. И фотокарточка была его. Нужды в обыске не было. Ежу понятно, что она обмишулилась. Все же включила, на всякий случай, его компьютер. Но ничего, кроме голых красоток, переписки с дамами и каких-то невеликих денежных расчетов, не обнаружила.

Раис, между тем, начал мычать. Она подошла к нему, сдернула со рта скотч.

– Ты с ума сошла! – заорал он, пытаясь подняться.

Она уставилась в его зрачки, и он стих, осознав, что его новая знакомая вовсе не куколка, а, всего скорее грабительница либо того хуже.

– Слушай сюда, Раис Робертович, – спокойно произнесла она. – Ты слизняк и бабник. Но не дурак. Потому ты меня никогда не видел, даже если встретишь. Если кому-нибудь пикнешь про меня, мои люди перережут тебе горло, как барану. Понял?

Тот готовно кивнул. Она освободила ему руки. Наказала:

– Я сейчас уйду. Десять минут оставайся в лежащем положении. Часы на стенке.

Юля вышла. На улице, сев к Гере в машину, сказала устало:

– Придурок он, а не вербовщик. В мечети орнаменты рисует.

– Первый блин, Юля, всегда комом.

– Поехали домой, Гера...

На другое утро Юлия сообщила о происшествии Люсьене. Та недовольно покачала головой.

– Расстаться по-хорошему не получилось?

– Не получилось.

– Снасиловать пытался?

– Пытался.

– Придется пока воздержаться от посещения мечети.

– Художник будет молчать, он очень напуган.

– Чем ты его напугала?

– Сказала, что, если он про меня кому-нибудь пикнет, мои люди перережут ему горло.

– Ладно, Юлька, будем надеяться, что в полицию он не заявит. Но Пилоту я всё равно отправлю донесение...

Через два дня Люсьена сказала Юлии:

– Все в порядке. Приказано действовать по плану. Так что в пятницу отправляйтесь в мечеть. И вот что. Если увидишь художника, улыбнись ему и подмигни.

– Зачем?

– Белый приказал.

Алик Ибрагимов опять стоял в тени топольков с биноклем. Ждал красавицу с телохранителем. Хотя и не исключал, что они вообще больше не появятся. Однако надеялся. Но среди прихожан, шагающих в мечеть, их пока не было.

Начало октября было теплым, и вдруг резко похолодало. Вторые сутки дул северный ветер. Он надел плащ с меховой подкладкой. Старики и старухи были в куртках, поддевах, дождевиках. Молодых – раз, два, и обчелся. И те – девки под присмотром мамаш.

Из мечети вышел рисовальщик Раис. В начале недели он попался ему на глаза. Всегда выглядел франтом, а в тот раз был какой-то помятый и беспокойный, будто боялся кого-то. Уж не телохранитель ли его напугал за то, что приставал к красотуле?.. А сегодня опять франт, вышагивает в модной кожанке лениво, будто прогуливается. Завернул на задний двор и выехал через ворота сразу в улицу. С чего бы вдруг?

В Москве труднее работать, чем в Казани. Исмаил перестраховывается, словно не понимает, как изменилась обстановка после 30 сентября, когда Россия начала бомбить ИгилТеррористическая организация, запрещенная на территории РФ. Американцы глупцы, что не воспротивились этому.

Вербовку следует активизировать. Через мечеть, даже через Интернет. Пусть группы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.